

УДК 94(47):316.37

doi 10.17072/2219-3111-2022-3-173-180

Ссылка для цитирования: *Лейбович О. Л.* «Мы беззаветные герои все...»: героический дискурс и культ знаменитостей в 1930-е годы // Вестник Пермского университета. История. 2022. № 3(58). С. 173–180.

«МЫ БЕЗЗАВЕТНЫЕ ГЕРОИ ВСЕ...»: ГЕРОИЧЕСКИЙ ДИСКУРС И КУЛЬТ ЗНАМЕНИТОСТЕЙ В 1930-Е ГОДЫ

О. Л. Лейбович

Пермский государственный институт культуры, 614000, Россия, Пермь, ул. Газеты «Звезда», 18

oleg.leibov@gmail.com

ORCID: 0000-0001-5191-939X

Сделана попытка интерпретировать природу героического дискурса в советской культуре 1930-х гг. На основании опубликованных и архивных источников предложена гипотеза, согласно которой культ героев был связан с поисками адекватной властным задачам идентичности советского общества. Идея бесклассового общества, выдвинутая XVII конференцией ВКП(б) в 1932 г., была дополнена образом дружной семьи советских народов, в ином варианте – страны героев. Из всех видов героизма на первый план вышел героизм трудовой. Все советские люди в соответствии с новой идеологией обладали этим достоинством. Нужна была только ситуация, при которой советский человек мог стать героем в труде, воздухоплавании, в полярной экспедиции, в борьбе с врагами народа. Такую ситуацию должно было предоставить стахановское движение. Победители-рекордсмены получали статус «знатных людей» с полагающимися им привилегиями, в том числе с правом на знаменитость. Так должна была возникнуть новая иерархия – иерархия достижений – вместо иерархии по происхождению. Стахановское движение развивалось по правилам политической кампании с мощным идеологическим сопровождением. Каждая отрасль хозяйства была представлена одним-двумя рекордсменами, ставшими всесоюзными знаменитостями. Тексты об их успехах изобиловали гиперболами; их личные истории выстраивались по одному лекалу. Социальным итогом кампании должно было стать создание рабочей аристократии как дополнительной опоры режима, идеологическим – формирование в обществе культуры успеха, надежды на достижимое личное благополучие. В коллективной памяти остались образы Алексея Стаханова и Дуси Виноградовой.

Ключевые слова: советское общество, 1930-е гг., социальная иерархия, героический дискурс, «знатные люди советской страны», стахановское движение.

В исследованиях социальной структуры советского общества 1930-х гг. была поставлена проблема складывавшейся социальной иерархии. Некоторые ее формы просуществовали до 1990-х гг., другие не выдержали испытания временем. Порожденные эпохой социалистической реконструкции, они ушли вместе с ней. В исторической памяти сохранились предания о героях-стахановцах и летчиках, ставящих мировые рекорды, в одночасье ставших знаменитыми на всю страну. В исторической литературе тема стахановского движения обсуждается в разных контекстах, главным образом с точки зрения организации труда и обострения социальных конфликтов в производственных ячейках [Аллен, 2013 *Benvenuti*, 1989; Siegelbaum, 1988; Thurston, 1993], но также и с позиции его роли в выстраивании нового социального порядка, в нормализации постреволюционных общественных отношениях. Государство создавало из знатных стахановцев «новую советскую “рабочую аристократию”» [Постников, Фельдман, 2009, с. 88]. Оно создавало новый механизм для этого процесса, для описания которого представляется уместной метафора социального эскалатора, отличающегося от социального лифта тем, что он не останавливается на промежуточных этажах – вступления в ВКП(б), получения политического образования на соответствующих курсах, постепенного продвижения по административной лестнице. Социальный эскалатор сразу же доставляет поставленного на него человека к вершине социальной карьеры, откуда было возможным движение или падение только вниз.

Советская пресса много писала о чудесном превращении юного рабочего или молодой работницы в знатного человека Страны Советов. Официальная доктрина тем не менее оставалась без изменений. В большевистской риторике 1930-х гг. можно обнаружить несколько вариантов описаний современного советского общества. В партийных документах господствовала идея грядущего общества без классов. Пять лет – вполне достаточный срок, чтобы прийти «к бесклассовому социалистическому обществу», – так формулировал политические цели второй пятилетки председатель Совнаркома СССР В. М. Молотов в докладе на XVII конференции ВКП(б): «Осуществление задачи – задачи создания бесклассового социалистического общества во втором пятилетии – превращается в практическую задачу. Оно вырастает из достигнутых уже успехов социалистического строительства и из совокупности поставленных второй пятилеткой задач построения социализма» (XVII конференция ВКП(б), 1932, с. 144).

Партийцам было вменено в обязанность целиком и полностью принять эту идею, руководствоваться ею в своих публичных высказываниях, тем более не высказывать сомнений или пытаться что-то в ней корректировать. В январе 1935 г. бюро Пермского горкома ВКП(б) исключило из партии инженера-конструктора «за ведение систематической контрреволюционной троцкистской подрывной работы, выразившейся в пропаганде контрреволюционных троцкистских взглядов среди работников завода № 19 (утверждал, что колхозники являются самостоятельным классом...)» (ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 26705. Т. 1. Л. 1а). Затем последовали арест и решение Особого совещания при наркомате внутренних дел СССР: «Юфит Льва Борисовича, за к-р агитацию – заключить в исправтрудлагерь, сроком на три года, считая срок с 21/II – 35. Дело сдать в архив» (Там же. Т. 2. Л. 141).

То, что годилось для партийных резолюций и газетных передовиц, было малоприспособленным для агитации в массах. Для нужд агитпропа использовали несколько метафор, более понятных для людей, едва овладевших грамотой¹: «большая советская семья», «семья советских народов» и др. [Наволоцкая, 2021, с. 163].

Одновременно с семейным дискурсом получил самое широкое распространение иной дискурс. Л. Фейхтвангер в своей апологетической книге заметил: «Основным тоном Советского Союза и по сегодняшней день остался тон героический» (*Фейхтвангер*, 1937, с. 47). СССР – это не просто дружная семья, это прежде всего семья героев. Само строительство социализма интерпретировалось как героический акт продолжительностью в несколько пятилеток. В. М. Молотов как само собой разумеющееся упоминал «пролетарский героизм в строительстве нового общества» (XVII конференция ВКП(б), 1932, с. 7–8). Образцом для описания производственных будней служили военные репортажи: ударные стройки вместо ударных частей, самопожертвование, штурмы, павшие герои, знамена, знаки отличия, командиры производства, командармы промышленности и проч.

В самой массовой литературе – текстах песен – господствовал пафос, апеллирующий либо к героике Гражданской войны, либо к героике будней. Причем поэтические гиперболы вроде: «Полюшко-поле. / Полюшко, широко поле, / Едут по полю герои, / Эх, да Красной Армии герои!» (Красноармейские песни, 1940, с. 71), – транслировались в служебные документы Наркомата обороны. Начальник Политуправления РККА писал, что одной из причин неудач в финской кампании 1939–1940 гг. были: «Ложные установки в деле воспитания и пропаганды в Красной Армии (лозунги: непобедимость Красной Армии; армия героев; страна героев и страна патриотов; теория абсолютного технического превосходства Красной Армии; неправильное освещение интернациональных задач и т.д.)» (О работе..., 1990, с. 199).

За несколько лет до этой самокритики руководство страны, а с ним и сотрудники идеологических аппаратов исповедовали противоположные взгляды: героическая риторика усиливает мобилизационные возможности. На языке сегодняшних медиа это звучит так: «Когда у страны есть герои, это сплачивает, укрепляет цивилизационную спайку» [*Тростин*, 2016].

Мы видим две формулировки одной и той же идеи: бесклассовое общество и страна героев. Достигнуто равенство советских людей, впрочем, равенство, отнюдь не исключающее социальную иерархию. В одном измерении Сталин – великий вождь и учитель, отец народов; ниже на ступеньку вожди меньшего калибра (региональные и отраслевые), далее, большие люди, а затем маленькие люди, в позднейшей терминологии «винтики». В середине 1930-х гг. в эту вертикаль включают «знатных людей». В другом измерении герои также делятся по степени

важности их деяний и, соответственно, по степени прославления. Судьба, время, жизнь и смерть над Сталиным не властны. Великий человек вездесущ. Он и прост, и сложен одновременно. Он пребывает в один и тот же миг и в Кремле, и в горной сакле. Он творит мир и спасает его. И говорить о нем возможно лишь на языке эпической поэзии: «На дубу зеленом, / Да над тем простором / Два сокола ясных / Вели разговоры. / А соколов этих / Люди все узнали: / Первый сокол – Ленин, / Второй сокол – Сталин» (Исаковский).

Под ним – партийные вожди республиканского и областного масштаба, сталинские наркомы, командармы индустрии, военачальники Гражданской войны: «Для моего поколения (я, конечно, говорю о том слое, представителем которого я был) такими живыми “богами” были политики, поднявшиеся на иерархическую ступеньку “вождей” и “соратников”, и те, кто именовались героями гражданской войны. Удивительно, что, несмотря на наш искренний демократизм, мы никогда не подозревали в героизме рядовых участников гражданской войны. Нет, в героях у нас ходили только военачальники», – вспоминал Л. Разгон (Разгон, 1989, с. 37).

Причем основная масса советских людей обладала героизмом скорее потенциальным, нежели реальным: «Когда страна быть прикажет героем, у нас героем становится любой» (Лебедев-Кумач). В сталинской редакции та же мысль была оформлена проще и безыскусней: «Товарищи, молодцов и героев у нашего народа, конечно, немало. Очень много у нас талантов, способностей, гениев, я бы сказал, где-то там, в углах спрятано. Но когда-нибудь они себя, безусловно, покажут» (Сталин, 2006, с. 146).

Были люди, которых из углов, позвали на авансцену. Вплоть до 1937 г. это были прежде всего областные вожди. Так, секретаря Свердловского обкома ВКП(б) И. Д. Кабакова «...в глазах масс обожествляли, цитировали его речи как вождя» (ПермГАСПИ. Ф. 61. Оп. 16. Д. 51. Л. 34).

«Обожествление» требовало организационных усилий: «За каждым действием, будь то присвоение имени “областного вождя” либо организация торжественных встреч, бурных оваций в адрес больших партийных начальников, стояли опытные режиссеры» [Сушков, 2019, с. 42].

Новшеством середины 1930-х гг. можно считать расширение круга героев Страны Советов – расширение, происходившее вместе с исключением из него региональных лидеров, объявленных в массе своей врагами народа. Пришедшие к ним на смену «из углов» не то чтобы стеснялись своего положения, но твердо знали, что их права на публичную славу резко ограничены. В этой связи примечательно письмо бывшего секретаря Молотовского обкома ВКП(б) прежнему редактору «Звезды». Он благодарит «за присылку молодежной газеты, где добрым словом вспомнили и меня – старика» и отпускает комплимент партийному журналисту – комплимент, больше напоминающий укоризну, память о сохранившейся на долгие годы обиде: «В наши молодые годы в Пермской организации были такие редакторы областных газет, которые беспощадно боролись со всякими проявлениями культа личности в областном масштабе и пресекали всех областных деятелей, желающих быть популярными» (ПермГАСПИ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 12. Л. 10–12 об.).

Место партийных секретарей в галерее советской славы заняли другие персонажи: пилоты, полярники, чекисты и, наконец, стахановцы. «После героев Гражданской войны я больше всех люблю наших летчиков, – под “горячие аплодисменты” произнес свой тост на приеме в Кремле И. В. Сталин. – Вы уж простите меня, товарищи, это моя слабость» (Сталин, 2006, с. 147).

Стахановцы, следует это подчеркнуть, занимали в этом пантеоне отнюдь не самое почетное место, хотя бы в силу массовости организованного по партийной инициативе движения. Для каждой отрасли народного хозяйства были назначены главные рекордсмены. Их избирали в Верховный Совет СССР, прославляли в прессе, награждали орденами, изображали на плакатах [Бранденбергер, 2017, с. 77]. На местах проделывали ту же самую процедуру: заводская администрация вместе с партийными инстанциями фактически назначали своих собственных рекордсменов, организовывали «стахановские смены» или «стахановские недели», выпускали в их честь «боевые листки» или стенгазеты, помещали на доску почета, выбирали в президиум районных активов, награждали почетными грамотами, выплачивали премии, приглашали в высокие кабинеты и представляли к правительственным наградам. Затем, как это часто случалось, о них забывали: «Нас собирали у директора завода, беседовали с нами, давали билеты в театр, о нас писали в газетах, а теперь ничего этого нет, а это сделать нужно», – пенял партийному руководству завода № 19 рабочий-стахановец (ПермГАСПИ. Ф. 817. Оп. 1. Д. 54. Л. 16).

В силу ограниченности ресурсов было невозможно обеспечить постоянство условий для роста производительности труда; организация производства на крупных предприятиях была не приспособлена для постоянного наращивания объемов выпускаемой продукции.

«Стахановские недели» зачастую оборачивались привычной штурмовщиной, отягощенной хорошо известными пороками советского хозяйствования. Читаем в протоколе заседания инженерно-технического совета на заводе № 19 (г. Пермь): «Рабочие на простое – и как говорить о стахановском месячнике. Это, по-моему, будет издевательство над рабочими. Да, говорить о стахановском месячнике, когда нет деталей, – это будет насмешка. Участок должен иметь всегда полуторамесячный задел для нормальной работы. Наш участок может работать без штурма, без сверхурочных часов, но нам делать нечего, а если работать, как работаем сейчас, то можем встать. Коллектив участка сколочен хорошо. Мы стоим на простое, но я простоя не пишу, а пишу, что делали уборку или переноску деталей. Работы нет, создается текучесть. У меня есть много поданных заявлений о переводе и увольнении» (Там же. Л. 16 об.).

В такой ситуации рядовые стахановцы снова теряли стимул к ударной работе. По словам стахановки-партийки, «они как сор в мусоре растерялись» (ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1100. Л. 23). Зато сохранились в отчетности. Партийные комитеты отчитывались перед вышестоящими инстанциями: «Завод насчитывает 67 человек знатных людей, занесенных на общезаводскую Доску почета» (Из докладной записки..., 1969, с. 193).

Средой обитания самых знатных людей Страны Советов, по точной метафоре Ш. Фицпатрик, «стал рекламный потемкинский мир» [Фицпатрик, 2008, с. 305]. В нем вожди партии на коротке беседовали со знатными свекловодами, фотографировались с героинями полей. Литераторы сочиняли проникновенные письма к стахановкам. Газетчики публиковали пафосные репортажи о новых рекордах. Партийные публицисты, не жалея слов, приветствовали знатных людей советской эпохи. Граждане от мала до велика писали им по газетным адресам.

Так по властной инициативе силами агитпропа происходило обновление воображаемого мира для советских людей. В нем передовые рабочие (затем к ним, как на картине В. П. Ефанова – полотно площадью в 150 квадратных метров «Знатные люди Страны Советов», добавили хирурга, пианиста, академика) ставили рекорды, добиваясь невиданных успехов в производстве, сельском хозяйстве, искусстве и науке. За это они пользовались любовью и уважением благодарного советского народа. Правительство, в свою очередь, зорко следило за тем, чтобы ни один рекорд не остался бы в неизвестности, награждая орденами Союза наиболее отличившихся работников.

И. В. Сталин объяснял, что «...ордена созданы не для тех, которые и так известны, а главным образом – для таких людей-героев, которые мало известны и которых надо сделать известными всем» (Сталин, 1951, с. 235).

В этом мире декораций, калейдоскопе живых картин, колебания теней очень трудно провести границу между правдой и вымыслом, между имитацией и реальными трудовыми усилиями, искренним воодушевлением и заказными (приказанными) восторгами². Жизнь стахановки на глазах публики разворачивается как лента в кинематографе. Вот молодая девушка без устали 8 часов в смену обегает 100 ткацких станков марки «Нортроп», связывает порванные нити, проверяет, движутся ли челноки, нет ли сбоя в подаче пряжи [Бондарев, 1934]. Новая сцена: та же девушка в нарядном платье стоит на залитом светом просцениуме в колонном зале Дома Советов и мило беседует с товарищем Сталиным. Зритель, видя еще одну сказку о Золушке, восхищается и, более того, верит, что такое вообще возможно.

Поставим вопрос: в чем был социальный смысл стахановского движения, для чего власти понадобились новые герои, причем в те годы, когда на Западе расцветала культура знаменитостей – не только летчиков, но также спортсменов и артистов кино?

По своей природе стахановское движение отнюдь не было демократическим. Словосочетание «знатные люди» прямо отсылает к двум культурным источникам: рабочей аристократии и привилегированным сословиям старой дореформенной России, к известной резолюции Петра: «Знатное дворянство по годности считать».

Стахановец – это рабочий или инженер, наделенный привилегиями не только символическими, но и вполне материальными: премиями, подарками от администрации разного уровня [Введенский, 2014, с. 86–90]. Французский профсоюзный работник, побывавший на шахтах Донбасса, был неприятно удивлен тем, что множество женщин было занято на подземных работах за много меньшую плату, чем у мужчин-стахановцев (Legay, 1937, p. 57–60, 113).

Можно предположить, что формирование рабочей аристократии было вызвано стремлением каким-то образом структурировать бесформенную трудовую массу, в которой и кадровый рабочий, и спецпоселенец из бывших крепких крестьян были социально и экономически неотличимы друг от друга³. Выделение стахановцев – знатных людей предполагало внедрение в трудовую среду вертикальной социальной организации, основанной на личных трудовых достижениях. Для ее внедрения применялись разные ресурсы, в том числе и символические, апробированные прежней политикой формирования культа Сталина. Передовых рабочих наделяли чертами государственных мужей; в свою очередь, Сталина и его соратников одомашнивали. Публичное общение со стахановками давало Иосифу Виссарионовичу «возможность разыграть мудрого и заботливого вождя-отца со своими любящими дочерьми-крестьянками» [Фицпатрик, 2008, с. 305]. Новый образ вождя описал А. Н. Толстой: «Его личная жизнь ограничивается небольшими потребностями интеллигентного, очень занятого человека нашей страны. У него нет особых требований или особых привычек. Он всегда одет в полувоенный, просторный, удобный костюм. Курит тот же табак, что и мы с вами. Он всегда весел, остроумен, вежлив. Каждый человек для него – человек» (Писатели мира о Сталине, 1953, с. 152–153).

Стахановец – это звание было отнюдь не пожизненным. В него производили, из него разжаловали, что вполне соответствовало режимным практикам⁴.

Подведем итоги. В стране героев в 1930-е гг. были выстроены несколько новых статусных эскалаторов: авиационный, полярный, чекистский, литературный и стахановский. Двигались они с разной скоростью, но в одном направлении – к верхам советского общества. Управлялись они властными рычагами. Победителей делали знаменитостями по американским образцам в советском исполнении, причем с учетом более древней традиции. Героев-летчиков, а также стахановцев официально называли не только «знатными», но и «лучшими людьми» Страны Советов. Терминология выдавала консервативную природу стахановского проекта. По замыслу инициаторов, эти люди должны были заместить в массовой политической культуре героев Гражданской войны и партийных секретарей областного значения в качестве эталонных образцов, прежде всего в труде. Андре Жид скептически заметил по этому поводу: «В стране, где рабочие привыкли работать, стахановское движение было бы ненужным» (Два взгляда из-за рубежа, 1990, с. 75). Не следует, однако, преувеличивать производственный аспект советской культуры знаменитостей. В этой идеологической кампании власть решала несколько задач: расширить собственную социальную базу за счет появления привилегированного меньшинства в трудовой среде, обновить хозяйственный аппарат за счет новых выдвиженцев и дать массе советских граждан новые надежды на зажиточную счастливую жизнь. Стахановцы и были призваны предъявить публике живые примеры такой жизни: прямое общение с вождями, орденские знаки на кофточках и спецовках, большие квартиры и даже подаренные товарищем Серго легковые автомобили.

Кампания была организована по-советски с громадным размахом, что предполагало, к слову, обязательное массовое участие не только в самом стахановском движении, но и в его одобрении: в резолюциях, газетных интервью, письмах в редакции газет для передачи самым знатным людям. Индустрия агитпропа нивелировала индивидуальные реакции. Личный отклик (интерес или даже воодушевление) тонул в потоке организованного конвейерным способом восторга, сходящего на нет после начала следующей кампании.

«Знатные люди» 1930-х гг. быстро сошли с вершин советской ранговой вертикали. Они не прошли той выучки, которую могла дать и давала нормальная карьера, и в силу этого остались чужаками в среде номенклатурных выдвиженцев. Социальные лифты продолжали свой путь наверх. Социальный эскалатор был демонтирован и сдан в музей трудовой славы советского народа.

Примечания

¹ Не следует преувеличивать успех борьбы с неграмотностью. Даже на крупных промышленных предприятиях в 1935 г. доля людей, не умеющих читать и писать, оставалась значительной. На V городской конференции ВКП(б) в г. Перми секретарь горкома бранил безответственных руководителей: «Вы помните, тов. Кириллов, когда мы в Перми посылали рапорты т. Кабакову, Центральному Комитету партии, тов. Сталину, Калинину, Молотову о том, что Пермь стала городом и районом сплошной грамотности. Что из этих рапортов получилось? Из этих рапортов получился пшик, а если говорить на партийном языке, то самое наглое очковтирательство. Что получается? На таких крупнейших передовых заводах, как завод им. Сталина, там было 2 тыс. неграмотных, или малограмотных (голос с места – больше), на заводе Дзержинского не меньше (голос с места – меньше). Я с Вами не спорю: не 2000, так 1900 (голос с места – 1400). 1400, я принимаю Вашу поправку, но завод такой большой, так много квалифицированных кадров, и на таком передовом заводе, овладевшем такой сложной техникой без иностранной помощи, разве можно терпеть 1400 неграмотных (Трощинский: на Дзержинском – 1400, а у них – 2500) <...> Что у нас получается, количество малограмотных доходит до 15 000 человек, количество неграмотных, а этому подсчету не верю, доходит до 5000 чел. Я утверждаю, что эта цифра гораздо больше по Перми и по району» (ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1100. Л. 44).

² Так, французский горняк, несколько месяцев знакомившийся в Донбассе со стахановским движением, не увидел в нем ничего другого, нежели вполне капиталистических методов рационализации и повышения интенсивности труда: «Я публично заявляю, что во Франции ни один шахтер не согласится работать в подобных условиях. Во всем русские шахтеры отстают от наших более чем на пятьдесят лет» (*Legacy*, 1937, p. 61, 98).

³ В связи с этим примечателен диалог на партийной чистке 1933 г. Сотрудника ОГПУ, ведающего спецпоселенцами, спрашивают: «Чем рознятся спецпоселенцы от кадровых рабочих?». Тот отвечает: «Ничем не рознятся». Ему разъясняют, «что кулаки одинаковы в экономическом отношении, но политически кулак урезан» (ПермГАСПИ. Ф. 61. Оп. 17. Д. 76. Л. 20).

⁴ «Ниже поименованных работников завода за ряд поступков, не совместимых с почетным званием стахановцев завода, лишаю звания стахановца завода и значка стахановца з-да № 19 им. Сталина:

3. Уткина С.А. – конструктора цеха № 2. За пьянство и прогулы.

6. Сапожникова – бывш. нач. уч. № 4 цеха № 3, уволенного с завода троцкиста и саботажника стахановского движения.

7. Баранова А.Г. – бывш. Главного Инспектора Качества – уволенного с завода троцкиста.

8. Костарева П.В. – мастера цеха № 4. Уволенного с завода за сокрытие службы у белых.

Начальнику секретной части тов. Стряпунину в 6-ти дневный срок изъять у указанных лиц значки и грамоты» (ГАПК. Ф. Р-1655. Оп. 1. Д. 35. Л. 171).

Список источников

Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. Р-1655. Оп. 1. Д. 35. Л. 171. Приказ по государственному союзному заводу № 19 им. И.В. Сталина. 20.10.1936. Машинопись.

Пермский государственный архив социально-политической истории (ПермГАСПИ). Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 26705. Т. 1. Л. 1а. Выписка из протокола № 57 заседания бюро Пермского Горкома ВКП(б) от 13 января 1935 года. Копия. Машинопись.

ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 26705. Т. 2. Л. 141. Выписка из протокола Особого Совещания при Народном Комиссаре Внутренних Дел СССР от 28 октября 1935 г. Машинопись.

ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1100. 135 л. Стенограмма V-ой Пермской городской партийной конференции. 7–8.07.1936. Т. 1. Машинопись.

ПермГАСПИ. Ф. 61. Оп. 16. Д. 51. Л. 34. Протокол собрания районного партактива Кизеловской парторганизации. 22.05.1937. Машинопись.

ПермГАСПИ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 12. Л. 10–12 об. Гусаров – Назаровскому. 23.05.1967. Рукопись.

ПермГАСПИ. Ф. 817. Оп. 1. Д. 54. Л. 13–18. Протокол № 9 заседания бюро ИТС завода № 19 им. Сталина. 19.03.1937. Машинопись.

ПермГАСПИ. Ф. 61. Оп. 17. Д. 76. Л. 20. Протокол № 2 общего открытого партсобрании членов и кандидатов ВКП(б) ячейки ОГПУ по чистке. 7.12.1933. Машинопись.

XVII конференция ВКП(б). Стенографический отчет. М.: Партиздат, 1932. 296 с.

Два взгляда из-за рубежа. Переводы. М.: Политиздат, 1990. 272 с.

Из докладной записки секретаря парткома Запобкому о развитии стахановского движения на заводе и состоянии технической учебы (не ранее 20 октября 1936 г.) // Брянский машиностроительный завод: сб. документов и материалов из истории завода / сост. В.А. Климук, Л.В. Налетова. Брянск, 1969. С. 193–201.

Исаковский М. Два сокола [Электронный ресурс]. URL: http://velikvoy.narod.ru/pesnya/5pesn/dva_sokola.htm (дата обращения: 14.10.2021).

Красноармейские песни. Второй сборник. М.: Госвоениздат НКО СССР, 1940. 240 с.

Лебедев-Кумач В. Марш веселых ребят [Электронный ресурс]. URL: <https://www.culture.ru/roems/48210/marsh-veselykh-rebyat> (дата обращения: 11.10.2021).

О работе Политического Управления Красной Армии. Из доклада Политического Управления Красной Армии Центральному Комитету ВКП(б) о работе Политического Управления Красной Армии. 23 мая 1940 г. // Известия ЦК КПСС. 1990. № 3. С. 192–202.

Писатели мира о Сталине // Новый мир. 1953. № 4. С. 150–162.

Разгон Л. Непридуманное. Повесть в рассказах. М.: Книга, 1989. 287 с.

Сталин И.В. Письмо тов. И.Н. Бажанову. 1933 // Сталин И.В. Сочинения. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1951. Т. 13. С. 235.

Сталин И.В. Речи на приеме депутатов Верховного Совета СССР в Кремле. 20 января 1938 года // Сталин И.В. Сочинения. Тверь: Союз, 2006. Т. 18. С. 146–151.

Фейхтвангер Л. Москва, 1937. Отчет о поездке для моих друзей / пер. с нем. М.: Худ. лит-ра, 1937. 119 с.

Legay K. Un mineur français chez les Russes: Éditions Pierre Tisné. 1937. 123 p.

Библиографический список

Аллен Р.С. От фермы к фабрике: новая интерпретация советской промышленной революции / пер. с англ. Е. Володиной. М.: РОССПЭН, 2013. 390 с.

Бондарев К.А. Автоматический ткацкий станок типа «Нортроп» марки «Н» и его монтаж. М.: Гизлегпром, 1934. 47 с.

Бранденбергер Д. Кризис сталинского агитпропа: пропаганда, политпросвещение и террор в СССР, 1927–1941. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 367 с.

Введенский В.В. «Знатные люди»: благосостояние передовых работников промышленных предприятий Западной Сибири в середине 1930-х гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 2. С. 86–90.

Наволоцкая Д.И. Восприятие образа стахановки: фанатские письма Дусе Виноградовой, 1935–1936 гг. // Вестник Перм. ун-та. История. 2021. № 2(53). С. 160–172.

Постников С.П., Фельдман М.А. Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900–1941 гг. М.: РОССПЭН, 2009. 367 с.

Сушков А.В. Империя товарища Кабакова: уральская партноменклатура в 1930-е годы. Екатеринбург: Альфа Принт, 2019. 292 с.

Тростин Е. Страна писателей, страна ученых // Историк. №22 сентябрь 2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--h1aagokeh.xn--p1ai/journal/post/5366> (дата обращения: 13.10.2021).

Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М.: РОССПЭН; Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2008. 422 с.

Benvenuti F. Stakhanovism and Stalinism, 1934–38 // CREES Discussion Papers, Series SIPS. 1989. No. 30. P. 40–47.

Siegelbaum L. Stakhanovism and the Politics of Productivity in the USSR 1935–41. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. 344 p.

Thurston R. The Stakhanovite Movement: The Background to the Great Terror in the Factories, 1935–1938 // Stalinist Terror New Perspectives / eds. by John Arch Getty, Roberta Thompson Manning. Cambridge University Press, 1993. P. 142–162.

Дата поступления рукописи в редакцию 01.10.2021

“WE ALL ARE SELFLESS HEROES..”: HEROIC DISCOURSE AND THE CULT OF CELEBRITY IN THE 1930s

O. L. Leybovich

Perm State Institute of Culture, Gazety Zvezda str., 18,614045, Perm, Russia

oleg.leibov@gmail.com

ORCID: 0000-0001-5191-939X

The article attempts to interpret the nature of the heroic discourse in Soviet culture of the 1930s. Based on published and archival sources, the hypothesis is offered, according to which the cult of heroes was associated with the search for an identity of the Soviet society adequate to the tasks of the power. The idea of a classless society, put forward by the 17th Conference of the VKP(b) in 1932, was supplemented by the image of a friendly family of Soviet peoples, in another version a country of heroes. Of all types of heroism, labor heroism came to the fore. All Soviet people, in accordance with this ideologeme, possess this dignity. A situation was needed in which a Soviet man could become a hero in labor, in aeronautics, in polar expeditions, and the fight against the enemies of the people. Such a situation was to be provided by the Stakhanovite movement. The victorious record-breakers were given the status of “noblemen” with the privileges attributed to them, including the right to fame. Thus, a new hierarchy was to emerge – a hierarchy of achievements, instead of a hierarchy of origin. The Stakhanovite movement developed under the rules of a political campaign with powerful ideological accompaniment. Each branch of the economy was represented by one or two record-breakers who became all-Union celebrities. Texts about their successes abounded in hyperbole; their personal stories were constructed along the same lines. The social outcome of the campaign was the creation of a workers' aristocracy as an additional pillar of the regime. The ideological outcome was the creation of a culture of success in society, a hope for attainable personal well-being. The images of Alexei Stakhanov and Dusya Vinogradova remained in the collective memory.

Key words: Soviet society, the 1930s, social hierarchy, heroic discourse, “noble people of the Soviet country”, the Stakhanovite movement.

References

- Allen, R. C. (2013), *Ot fermy k fabrike: novaya interpretatsiya sovetskoy promyshlennoy revolyutsii* [Farm to Factory. A Reinterpretation of the Soviet Industrial Revolution], ROSSPEN, Moscow, Russia, 390 p.
- Bondarev, K. A. (1934), *Avtomaticheskiy tkatskiy stanok tipa "Nortrop" marki "N" i ego montazh* [Automatic weaving machine type “Northrop” brand “H” and its installation], Gizlegprom, Moscow, USSR, 47 p.
- Brandenberger, D. (2017), *Krizis stalinskogo agitpropa: Propaganda, politprosveshchenie i terror v SSSR, 1927–1941* [Propaganda state in crisis: Soviet ideology, indoctrination, and terror under Stalin, 1927–1941], Politicheskaya entsiklopediya, Moscow, Russia, 367 p.
- Fitzpatrick, Sh. (2008), *Stalinskie krest'yane. Sotsial'naya istoriya Sovetskoy Rossii v 30-e gody: derevnya* [Stalinist peasants. Social history of Soviet Russia in the 30s: the village], ROSSPEN, Fond Pervogo Prezidenta Rossii B. N. El'tsina, Moscow, Russia, 422 p.
- Navolotskaya, D. I. (2021), “Perception of the Image of Stakhanovka: Fan Letters to Dusya Vinogradova, 1935–1936”, *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*, № 2(53), pp. 160–172.
- Postnikov, S.P. & M.A. Fel'dman (2009), *Sotsiokul'turnyy oblik promyshlennykh rabochih Rossii v 1900-1941 gg.* [The socio-cultural profile of industrial workers in Russia between 1900 and 1941], ROSSPEN, Moscow, Russia, 367 p.
- Sushkov, A.V. (2019), *Imperiya tovarishcha Kabakova: ural'skaya partnomenklatura v 1930-e gody* [Comrade Kabakov's empire: the Urals party establishment in the 1930s], Al'fa Print, Yekaterinburg, Russia, 292 p.
- Trostin, E. (n.d.), *Strana pisateley, strana uchenykh* [A country of writers, a country of scientists], available at: <https://xn--h1aagokeh.xn--plai/journal/22/strana-pisatelej-strana-ucheniyh-b6.html> (accessed: 13.10.2021).
- Vvedenskiy V.V. (2014), “Notable people”: welfare of advanced industrial workers of Western Siberia in the mid-1930s”, *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, № 2, pp. 86–90.